

Кельтские мифы

Москва

Кельтские мифы

Москва

УДК 398.21(=15)
ББК 82.3(4)-6
К34

Перевод и вступительная статья *Людмилы Володарской*

Художественное оформление серии *Степана Костецкого*

В оформлении обложки и титула использованы иллюстрации:

ReVelStockArt, HardtIllustrations,

Kusumaiillustration / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Кельтские мифы / [перевод и вступительная статья Л. Володарской]. — Москва : Эксмо, 2025. — 608 с.

ISBN 978-5-04-211129-7

Кельты, как ни один другой народ, окружены ореолом тайны, их культура, повлиявшая на традицию всей Европы, манит и завораживает. Кельтская мифология богата волшебными легендами и преданиями, передававшимися из уст в уста, и по многообразию богов и героев не уступает древнегреческой. Легенды о доблестном Кухулине, Артуре, подвигах Финна, племени богини Дану, любви Тристана и Изольды стали богатейшим материалом для У. Шекспира, У. Вордсворта, А. Теннисона, Дж. Толкиена и многих других классиков мировой литературы.

В книгу вошло знаменитое собрание валлийских сказаний «Мабиногион» в переложении леди Шарлотты Гест, а также «Ирландские сказания» (переложение леди Изабеллы Августы Грегори).

УДК 398.21(=15)

ББК 82.3(4)-6

© Володарская Л.И., перевод на русский язык, 2025

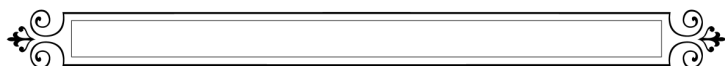
© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-211129-7

Валлийские сказания

О ВАЛЛИЙЦАХ И ВАЛЛИЙСКИХ СКАЗАНИЯХ

Кельты (галлы) — индоевропейские племена, известные со второго — начала первого тысячелетия до н. э., — в континентальной Европе к середине I века н. э. были покорены римлянами и, ассимилировавшись в течение нескольких веков (с первого по четвертый), по сути, исчезли с ее исторической карты. Однако, оставив о себе вечную память в названиях таких городов, как, например, Париж, Милан, Вена, и таких рек, как Сена, Рейн, Дунай, они еще прежде разделились на ирландцев и валлийцев, которые продолжали развивать на островах две основные ветви кельтского языка и кельтской культуры.

Примерно до X века н. э. Ирландия жила относительно мирно, но, населенная бриттами (островными кельтами), Британия уже в I веке н. э. претерпела нашествие римлян, которые оказали большое влияние на ее культуру, однако не сумели ассимилировать местное население, принявшее плоды более развитой цивилизации, принявшее христианство, но не отказавшееся от своего языка, своих традиций, даже социального устройства.

«...Сбросив с себя ярмо римской власти, — пишет историк VIII века Ненний, — они (бритты) перестали выплачивать дань и принимать поставленных Римом властителей, дабы те правили ими, и римляне не посмели вернуться в Британию, чтобы господствовать тут и впредь, ибо бритты убили их полководцев»¹.

¹ *Ненний. История бриттов // Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. М.: Наука, 1984. С. 178.*

Потом наступил V век, точнее, 428 год, и в Британию пришли германские племена. Англи и саксы — менее цивилизованные, но более воинственные — в V — VIII веках упорно вытесняли бриттов из Кембрии, Лотиана, Корнуолла, пока не дошли до западного гористого полуострова, где столкнулись с не менее воинственными племенами, которые оказали пришельцам достойное сопротивление. В конце концов англосаксы оставили мысль завоевать полуостров и в VIII веке совершили нечто, определившее историю этого края на несколько столетий. Они отгородили полуостров «валом Оффы» и назвали непокорную территорию «застенной землей», то есть Валлисом, или Валлией, или — в современном звучании — Уэльсом. Но у этой страны было и другое название, данное ей самими бриттами, — Кимру, что значит «страна сородичей». И Ненний, и Гальфрид Монмутский с явным раздражением пишут о «диких Кимрах», посмеявшихся не подчиниться «благоразумным саксам», которые, по словам самого же историка XII столетия Гальфрида Монмутского, усеяли всю землю непогребенными трупами крестьян и священнослужителей. Пусть это не покажется странным, но его перу принадлежит и следующая (по-видимому, идеологически выдержанная в соответствии с современными ему требованиями) легенда о происхождении непокорных валлийцев и их страны Валлии:

Ивор и Инн, снарядив для себя корабли и собрав, сколько им удалось, готовых отправиться с ними воинов, высадились на острове и в течение сорока девяти лет тревожили народ англов частыми и беспощадными нападениями. Но это мало чему помогло. Мор и голод, а также непрекращающиеся внутренние раздоры настолько обессили некогда гордый народ, что ему было невмочь упорствовать и отражать врагов. Погрязнув в невежестве, он стал называть себя не бриттами, а валлийцами, присвоив себе это название потому, что у них был вождь Валлон,

либо по имени королевы Валаес, либо их окрестили так чужеземцы. Саксы, напротив, соблюдая благоразумие, сохраняли между собой мир и согласие, обрабатывали поля, отстраивали города и укрепления и, лишив бриттов господства при вожде Адельстане, который первым из них увенчал себя королевской короной, держали уже в подчинении всю Лоегрию (Англию. — *Л. В.*). Утратив бриттское благородство, валлийцы впоследствии не воссоздали древнего государства на острове; недовольные саксами, они порой восставали на них и непрерывно дрались либо с ними, либо в междоусобных схватках¹.

Валлийцы отказывались называть себя бриттами и даже как будто забыли о своей связи с жителями Лоегрии, но в народной памяти и, естественно, в фольклоре примерно в VIII веке появились мечты о будущем поражении англосаксов и «воссоздании» королевства Британия, которого никогда не существовало, — и даже многочисленные «пророчества» на сей счет легендарных мудрецов и волшебников. Но в то же время в самом Уэльсе, поделенном на множество кланов, шла бесконечная междоусобная война, не предполагавшая даже попыток объединения. Валлийские вожди стали большими врагами своей родины, чем пришельцы.

В 1066 году англосаксы потерпели поражение от армии Вильгельма Завоевателя, и франко-нормандцам удалось то, что оказалось не по силам англосаксам. Они завоевали южную часть Уэльса, которую назвали Марч, то есть «пограничный край». Тем временем валлийские вожди продолжали сражаться между собой в стране, оставшейся скотоводческой и неразвитой с точки зрения земледелия и ремесел, в которой не было не только городов, но и даже постоянных поселений. В это время, насколько известно, прогрессивную стабилизирующую роль в социальной

¹ *Гальфрид Монмутский. Указ. соч. С. 137.*

жизни Уэльса, хоть и не очень успешно, играла Церковь, несмотря на немногочисленность монастырей. Гораздо больше ей удалось сделать для культуры страны, в которой письменная традиция не отличалась зрелостью. Первое известное историческое сочинение, «Анналы Камбрии», относится к 954 году, а самые давние записи сказаний, легенд, песен — к XI веку. Сохранение письменных памятников Уэльса — исключительная заслуга Церкви.

В XII столетии от валлийского существования наособицу не осталось и следа, и только теперь, когда не отдельные феодалы грозились проникнуть на полуостров, а английская корона — подчинить себе всю непокорную территорию, правители Уэльса попытались что-то сделать и несколько оттянули свое поражение. Но со своими благими намерениями они опоздали. В 1282 году противостояние Левелина ап Гриффилда, последнего короля независимого Уэльса, и английского короля Эдуарда I из династии Плантагенетов закончилось поражением Уэльса, и с 1301 года наследники английского престола носят титул «принцев Уэльских». Правда, валлийцы еще долгое время поднимали одно восстание за другим и до 1536 года Уэльс сохранял статус автономного княжества.

С покорением Уэльса его язык и культура стали насильственным образом искореняться. И это неудивительно, ведь даже английский язык долгое время считался языком, «неприличным» для благородных господ и развлекавших их песнопевцев. Что же до странствующих валлийских бардов, то их преследовали как бродяг.

Казалось бы, сказания, мифы, легенды валлийцев должны были исчезнуть с лица земли. Но, к счастью, этого не случилось. Народное наследие выжило, но выживало оно, скажем так, двумя этапами.

Одна его часть не только проникла в английскую, французскую, да и чуть ли не во всю западноевропейскую литературу, но и, обжившись там в Средние века, стала основой того, что в дальнейшем получило название «артуровского

цикла» и дало импульс к созданию великих памятников литературы так называемого Нового времени. Первым было сочинение «История бриттов» Гальфрида Монмутского, где в короле Артуре соединились валлийская и англо-нормандская традиции, представив его как могучего короля Британии и идеального рыцаря, окруженного другими более или менее идеальными рыцарями, с которыми было связано множество самых разных любовных, приключенческих, волшебных и христианских сюжетов. Более того, обогащенная, эта литература вернулась в Уэльс и соединилась с изначальным вариантом валлийского традиционного фольклора, ведь при дворах валлийских королей всегда большим почетом пользовались барды, которые использовали в своих творениях исторические и мифологические образы, не давая им потеряться во времени, тем более когда был унижен сам народ. Кстати, как раз в XII веке «История бриттов» Гальфрида Монмутского была переведена на валлийский язык, одновременно став знаком пробуждения и сама пробуждая новый интерес не только к историческому прошлому Уэльса, но и к его культурному наследию.

Именно к этому времени относятся два замечательных рукописных свода древних валлийских легенд: «Белая книга Риддериха» (датируется примерно 1325 годом) — к сожалению, представляющая собой лишь фрагменты собрания легенд под названием «Мабиногион», и «Красная книга Хергеста» (датируется примерно 1400 годом) — первое полное собрание одиннадцати легенд «Мабиногиона». Отметим, что, помимо вполне доказанного факта зависимости этих рукописей от неизвестных и более ранних источников, о происхождении, авторстве и даже переписке текстов практически ничего не известно. Даже название памятника — «Мабиногион» — имеет несколько толкований. Четыре первые легенды объединены под названием «Ветви Мабиноги», то есть «*Мабиногион*», так как *мабиногион* — множественное число от *мабиноги*. А само слово *мабиноги*, как считают одни, означает «повествование об отроках»,

другие переводят его как «повествование о юных годах героя», третьи — как «повествование о сыновьях кельтских богов». Следовательно, собрание легенд должно было бы называться «Повествование об отроках и другие древние валлийские легенды», или «Повествование о юных годах героя и другие древние валлийские легенды», или «Повествование о сыновьях первых кельтских богов и другие древние валлийские легенды». Но что исторически сложилось, то сложилось, и сейчас можно лишь строить предположения, почему сложилось так и не иначе...

Волна интереса к валлийским древностям поднялась в XII веке и через какое-то время опять спала, если, конечно, не считать популярный и в Европе и в Америке образ короля Артура, в который неумолимое время постоянно вносит изменения. Собрание под названием «Мабиногион» оставалось неизвестным даже в постепенно забывавшем родной язык Уэльсе до тех пор, пока в 1838 году не вышла в свет английская версия рукописного собрания валлийских легенд в великолепном переводе-пересказе леди Шарлотты Гест (1812–1895), значение которого трудно переоценить, оно сравнимо разве что с влиянием переводов В. А. Жуковского в русской литературе. Итак, «Мабиногион» обрел вторую жизнь в переводе на английский язык и стал первым произведением новой национальной литературы Уэльса, оказав при этом огромное влияние на всю последующую мировую англоязычную литературу. Думаю, любители творчества великих валлийцев XX столетия — прозаика Артура Мейчена и поэта Дилана Томаса — лучше поймут созданные ими произведения, узнав их корни.

Как памятник литературы «Мабиногион», передаваемый из уст в уста, по-видимому, складывался довольно долго, наверняка претерпев к тому же на последнем этапе редакцию монахов, хотя религиозной дидактики здесь нет и в помине. В конце концов он стал представлять разные эпохи и множество персонажей от древнейших мифологических до более поздних и реальных. Рядом с реальными

людьми живут волшебники, в повествования о тяжком ратном труде неожиданно вторгаются сказочные мотивы, история сочетается с псевдоисторией, боги общаются со смертными, смертные наделены чертами богов...

Если в первых «мабиноги» можно усмотреть некоторые социальные приметы раннефеодальной эпохи как детства народа, то в последних — о короле Артуре — очевидно тяготение к романтическому и в общем-то абстрактному противопоставлению королевства Артура как царства добра и остального мира как царства зла, куда рыцари уезжают совершать подвиги. И хотя они совершают много подвигов, зла не становится меньше в черном лесу, окружающем королевство Артура, но и не ослабевает желание рыцарей постоять за свою честь, за честь дамы, за честь своей земли. На этом заканчивается повествование о героях и вождях, королях и богах, простых смертных и волшебниках, мужах и женах долгой истории валлийского народа.

Одиннадцать сказаний, представляющих сложившийся в веках литературный памятник «Мабиногион», составляют яркую, словно мозаичную, картину валлийской жизни, которой придают единство два параметра: известная, хотя и меняющаяся, география обитания и вполне определенное, хотя и продолжительное, историческое время.

Л. Володарская

МАБИНОГИОН

ЧАСТЬ I

ПУИХЛ, КОРОЛЬ ДАВЕДА

Короля Даведа звали Пуихлом, и он был господином над семью округами Даведа. Как-то раз, отдыхая в своем главном дворце в Нарберте, он задумал поохотиться и избрал для этого Глин Ких. Не медля нимало, он в тот же вечер выехал из Нарберта и на ночь остановился в Хлуин Диарвиде. Поутру он уже был в Глин Кихе, на опушке леса спустил собак, затрубил в рог — и пошло веселие. Псы мчались что было мочи, Пуихл за ними, и вскоре свита потеряла его из виду. Когда он остановился и прислушался, то лай был впереди и сбоку, только сбоку собаки лаяли совсем не так, как те, что бежали впереди.

Наконец между деревьями показался просвет, и Пуихл нашел свою свору, которая ждала его на краю большого поля. Тотчас справа появились олень и другая свора. Половину пути не добежал олень до леса, когда его догнали и повалили наземь сверкавшие белой шерстью и красными ушами псы, подобных которым король не видел во всю свою жизнь.

Пуихл подъехал поближе и, отгоняя чужих собак, стал натравливать на оленя своих.

Тем временем прискакал на светло-сером жеребце-великане всадник в охотничьем платье из серой шерсти и с охотничьим рогом на шее.